

Ольга Баболь

По дороге из снега и камня

Ольга Баболь

По дороге из снега и камня

«Автор»

2025

Баболь О.

По дороге из снега и камня / О. Баболь — «Автор», 2025

Старый лесничий Матвей накануне Нового года не ждал ни чудес, ни приключений. Но в одну снежную ночь под его окном обнаружился замёрзший гоблин по имени Глим. А утром на печи появился угольный рисунок карта местности с дурной славой. Да ещё на чердаке нашлась тетрадь с записями прежнего лесничего. И Матвей отправляется в путь, взяв с собой гоблина. Вот только попадают они не в место, указанное на карте, а в серый мир, где магия умерла не из-за злого колдовства, а потому что её разобрали на части. Что поможет этому миру вновь стать живым путникам предстоит это выяснить. А ещё научиться слышать тишину, чтобы понять, о чём она молчит. Это история о том, как дорога сквозь снег и камень приводит обратно к собственному порогу и новогодней ёлке. И о том, что самое важное путешествие это путь домой.

© Баболь О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. История одного падения	5
Глава 2. Рисунок на печке	8
Глава 3. По следам прежнего лесничего	11
Глава 4. Загадочный ключ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Баболь

По дороге из снега и камня

Глава 1. История одного падения

Матвей сидел за столом, поставив ноги в толстых шерстяных носках на пушистый коврик. В просторной комнате его бревенчатого дома, стоявшего на лесной поляне, уютно потрескивали дрова в камине, а над большой кружкой с какао поднимался ароматный парок. Поглядывая одним глазом на ноутбук, где в новостях дикторша говорила о надвигающемся снегопаде, Матвей взял с блюдца зефирку, откусил половину и шумно отхлебнул из кружки.

Красный свитер с вывязанными белыми медведями сидел на нём плотно, но всё же не стеснял движений. Матвей любил этот подарок от внучки. Светлана всегда брала ему вещи на размер больше, чтоб уж наверняка. Но то ли она ошибалась, то ли производители что-то путали с размерами, а купленная внучкой одежда всегда оказывалась впитык.

Матвей был стариком крепкой, богатырской породы. В любой толпе выделялся ростом, но главное впечатление создавала его основательность: широкие плечи, привыкшие к работе руки с крупными ладонями, в которых полулитровая кружка смотрелась кофейной чашечкой, спокойная сила в движениях. Эта основательность сочеталась с седой шевелюрой, пышной бородой и добрыми, чуть прищуренными глазами.

Негромкий и какой-то отчаянный стук в окно оказался для него неожиданным. Матвей нахмурился, отставил кружку и подошел к окну. За снежной пеленой, покрывавшей стекло снаружи, что-то мелькнуло и тут же исчезло, а чуткий слух Матвея уловил звук мягкого шлепка.

Старик запрыгнул в валенки и, не накидывая тулупа, выскочил на крыльцо. Лунный свет, пробиваясь сквозь редкие облака, серебрил глубокие сугробы. Прямо под окном, в рыхлом снегу, зияла аккуратная ямка. Из неё торчала маленькая нога в потрёпанном красном башмачке на шнуровке. Матвей, не раздумывая, сунул руку в снег и вытащил оттуда небольшое существо.

Оно было величиной со среднюю собаку, одето в странную, будто сшитую из старого коврика куртку блёклого зелёного цвета и такие же короткие штаны. Из-под штанин виднелись полосатые красно-белые гольфы. Лицо с длинным острым носом, покрытое чуть морщинистой сероватой кожей, посинело от холода, а большие удлинённые уши обвисли. Существо было совсем замёрзшее.

– Ну-ка, ну-ка, дружок, – пробормотал Матвей, заноса его в дом.

Он усадил бесчувственное тельце в глубокое кресло-качалку прямо перед камином, закутал в огромный клетчатый плед, оставив на виду только лицо. Потом налил в маленькую кружечку густого какао и осторожно поднес к синим губам странного существа.

– Пей, согреешься.

Длинные пальцы с цепкими ногтями вынырнули из-под пледа и обхватили кружку. Существо сделало маленький глоток, потом ещё, и по его лицу разлилось блаженство. Щёки постепенно порозовели, а огромные уши начали потихоньку шевелиться. Оно открыло глаза – большие, тёмно-жёлтые, и уставилось на Матвея. Старик тоже рассматривал гостя, а потом удивлённо спросил:

– И что же ты за чудо неведомое? Я отродясь в нашем лесу ни людей таких не встречал, ни зверушек в одежде. Или ты мартышка? Из цирка, поди, удрала? Но как в такую даль забраться-то смогла? Город, почитай, в ста километрах отсюда.

В ответ послышалось сердитое сопение, а потом хриплый голос произнёс:

– Чего это я мартышка? Я Глим.

– Какой такой глим? Что-то я про глимов ничего не слышал.

– Гоблин я. А Глим – это имя.

– И откуда же здесь, в моём лесу, взялся гоблин? Сколько лет уже в лесничих хожу, а такое явление у нас тут впервые. – Матвей в недоумении даже руками развёл, продолжая разглядывать ушастика.

– Я... я вывалился, – прохрипел в ответ гоблин.

– Это видно, – согласился Матвей, присаживаясь на табурет напротив. – Откуда вывалился-то? С самолётика какого?

Гоблин с достоинством выпрямился под пледом, будто это была царская мантия.

– С саней. Санта-Клаусовых. Я у него в помощниках. Временно.

Матвей медленно почесал бороду. Лесничий повидал на своём веку многое, но Санта-Клаус, заблудившийся в его владениях, – это было из ряда вон.

– Санта-Клаус? – переспросил он. – Это ж за границей. Как же, милоч, твой начальник сюда залетел?

– Он новенький, этот мой Санта. Детей много развелось, подарков – вагоны, старые Санты не справляются. Вот и набирают новичков.

– Гляди-ка, – подивился Матвей, – а наш Дед Мороз один везде успевает.

Глим вскинул голову, едва не расплескав какао, и запальчиво заявил:

– Вряд ли он один! Наверняка у вас в каждом крупном лесу – свой. А то и по два! Детей-то вон сколько... Не, одному не успеть! Вот и нашим Сантам сказали: не справляетесь – берите помощников. Ну, они и набрали по объявлению. А мой-то молоденький совсем, неопытный. Ещё толком маршрута не знает и оленями управляет кое-как. Занесло его сюда, в глушь. Решил повернуть обратно, да слишком резко оленей осадил. Сани набок, и я не удержался. Шлёпнулся. А тут холод... – гоблин вздрогнул и потуже завернулся в плед. – Я к окну подполз, постучал что было сил, а потом... бац. И в сугробе. Думал, всё, пропал Глим.

– Глим, значит? – снова переспросил Матвей, всё больше проникаясь симпатией к маленькому выскочке. – А я – Матвей. Лесничий.

Он ушел на кухню и вскоре вернулся с угощением.

– Какао – это хорошо, но чтобы по-настоящему отогреться, нужно что-то посерьёзнее, – сказал старик, ставя перед гоблином тарелку с картошкой в мундире и солёным огурцом.

Глим уставился на картошку, будто на сокровище. Его нос задёргался. Гоблин почти-точно отставил кружку и взял в руки горячую картофелину.

– Спасибо, – проговорил он и откусил кусочек вместе с кожурой, потом хрумкнул огурцом и зажмурился от удовольствия.

А за окном завывала поднявшаяся метель. Но двое в доме не обращали на неё внимания. Глим, удобно устроившийся в кресле-качалке у камина, и старый лесничий, налив себе и гостю по новой порции какао, обсуждали тонкости предновогодних воздушных перевозок. И спать улеглись уже за полночь: Матвей – в своей спальне на большой деревянной кровати, а Глим – в комнате на диванчике, с головой закутавшись в плед.

Глава 2. Рисунок на печке

– Вот такие дела, – пробормотал Матвей, вздохнул, бросив взгляд на карту, и сказал уже громче: – Да, надо собираться. Вот же как складывается.

Потом, глядя в темноту леса через заиндевевшее окно, задумался, вспоминая сегодняшний день. Согласие ему далось непросто. Не думал он отправляться надолго в зимний лес, да ещё в какую-то неизвестность. И цель похода ему не нравилась: непонятно было, зачем туда идти. А когда непонятно, всегда жди неприятностей. Он отказывался, мысленно сам с собой спорил, да и Глиму прямо говорил, что не время сейчас отправляться в поход. Праздники на носу, вот-вот приедет на каникулы внучка – сессия уже заканчивается, а Светлана любит встречать Новый год с бабушкой в его лесном доме.

Но всё же Матвей понимал: раз уж сложилось именно так, что выбор затейницы-судьбы пал на него, то со сложностями и непонятностями ему и разбираться.

Хотя Павел Николаевич, директор деревенской школы, считает всё это глупостью. Он заехал сегодня, как только рассвело. Тоже большой, шумный, под стать Матвею. Слышно было, как топтался на крыльце, оббивая снег с валенок, потом стукнул в дверь пару раз, вошёл, не дожидаясь ответа, и сразу громко заговорил:

– Доброго утречка, Матвей Петрович! Я к тебе по делу, про ёлочку спросить, какую срубить для школьного праздника. И ещё одна нужна, побольше школьной, на площадь. Председатель наш, Сидор Михайлович, просил узнать.

– Доброго, доброго утра, – поздоровался в ответ Матвей, – готово с позавчера, присмотрел уже вам ёлки, пометил даже. Вот как ко мне с центральной трассы поворачивать, так съезд есть вправо и вешки стоят. Это разметка просеки, дорогу будут делать к новой турбазе. Как раз там, метрах в десяти прямо по съезду есть несколько подходящих ёлок. Я пометил штуки четыре. На месте глянете – какие подойдут, те и рубите. Всё равно они под топор пойдут. Найдёте по красным лентам на стволах.

– А ты чего ж? Не пойдёшь, что ли, с нами, не покажешь? Ты же всегда помогал.

– Не смогу, похоже. Дело есть у меня, – сказал Матвей и нахмурился.

– Чего смурной-то такой? Дело, что ли, нехорошее? Неприятности какие? – Павел Николаевич, за разговором уже скинувший валенки и пуховик, подошёл поближе, заглянул Матвею в лицо.

А Матвей только рукой махнул в сторону печи.

– Глянь вон, что за дело.

Павел Николаевич приблизился к печке и удивлённо уставился на непонятные линии, сделанные углём на белёном печном боку. Присмотревшись, он узнал местность, но всё равно решил уточнить:

– Неужто это Гиблое урочище?

– Оно самое. А то, что двумя полосками изображено, – это Душный овраг, – медленно проговорил Матвей.

– А крестик в этом овраге – место, где твоё нехорошее дело находится, так, что ли? – Павел Николаевич вопросительно уставился на Матвея.

– Выходит, так, – глухо прозвучало в ответ.

– И кто же тебе эту схему нарисовал? Рука словно детская, будто первый раз план рисует, – Павел Николаевич не отставал с расспросами.

Матвей хмыкнул и с досадой произнёс:

– Да нашёлся здесь один чертёжник. Ладно, давай чай пить, сейчас стол накрою.

Лесничий вынес в комнату чашки, блюдце с любимым зефиром, заварник и снова отправился на кухню – за хлебом и чайником. Павел Николаевич сначала прохаживался по комнате,

ожидая чая, потом присел на диван, прямо на плед. Из-под пледа послышался писк, заставивший директора школы вскочить. Увидев кончик розового носа, показавшегося из складок пледа, Павел Николаевич ойкнул и воскликнул:

– Матвей, ты что, крысу себе завёл?!

Лесничий, вошедший в комнату, только и успел ответить, что это не крыса, как Глим, выпутавшийся из пледа, возмущённо сказал:

– Не крыса я, не крыса! И не мартышка! – Гоблин сердито таращился на обоих мужчин.

– Да вижу уже, что не крыса, – медленно проговорил Павел Николаевич, пытаясь сесть мимо стула. Спасибо Матвею – удержал, уберёг от конфуза.

Директор школы помолчал, соображал, видно, что же это за существо, но так ничего и не придумал. Поэтому просто спросил лесничего:

– Оно – кто?

– Гоблин. Обычный гоблин. – Матвей улыбнулся, его эта сцена немного забавляла.

– Это фамилия? – уточнил Павел Николаевич.

– Нет у меня фамилии, – сердито сказал Глим, потом пояснил: – Ты человек, а я – гоблин. И зовут меня Глим, имя такое.

– Понятно, – протянул Павел Николаевич и снова обратился к Матвею: – Гоблин – это же иностранец? Тогда почему он по-нашему разговаривает?

– И точно! – Матвей только сейчас сообразил, что Глим и говорил по-русски, и сам понимал речь лесничего. Старик уставился на ушастика, а тот объяснил, не дожидаясь вопроса:

– Обычное дело. Гоблинам языки учить нет надобности. Куда попадём, все языки той местности сразу понимаем и говорить можем.

– Надо же, какие способности! – в голосе Павла Николаевича прозвучало уважение. – Хотел бы я тоже так уметь. В Австралию бы съездил в отпуск, с аборигенами поговорил. Да и вообще – с местными бы там пообщался, а то я ни одного забугорного языка толком не знаю. А что знаю, так оно всё из кино: «гуд монинг» да «хенде хох».

Потом все немного помолчали. Матвей думал о своём, Павел Николаевич тоже о чём-то размышлял – может, мечтал о путешествии в Австралию. Потом директор школы повернулся, ещё раз глянул на Глима и вспомнил про рисунок на печке.

– Ага, вот, значит, кто тебе карту нарисовал! – догадался он.

Пришлось Матвею рассказывать, как он, проснувшись ещё затемно, пришёл на кухню, вскипятил чайник и сел завтракать. И вот сидит он, прихлёбывает из кружки, а мимо него вдруг шествует Глим с закрытыми глазами и с угольком в руке. Взял, видно, из погасшего камина. Гоблин, покачиваясь, подошёл к печи, неловкими движениями нанёс на белёный кирпичный бок несколько линий, выронил уголёк и так, не открывая глаз, ушёл обратно в комнату. Всё это происходило в полной тишине, нарушаемой только шаркающими шагами Глима. Когда Матвей прошёл за ним в комнату, гоблин уже снова спал на диване, завернувшись в свой плед. Вот только сейчас и проснулся, когда Павел Николаевич на него сел.

Глим, услышавший этот рассказ, спрыгнул с дивана, сбегал на кухню посмотреть на рисунок, потом грустный вернулся в комнату, вскарабкался в кресло-качалку, посмотрел на Матвея, вздохнул и сказал:

– Я не знаю, что это за место. Кажется, пролетали мы с Сантой над ним вчера. Но я не помню... Вот только если я во сне это нарисовал, то идти туда надо. Что-то важное там есть.

– Ещё и недоброе, – добавил Матвей.

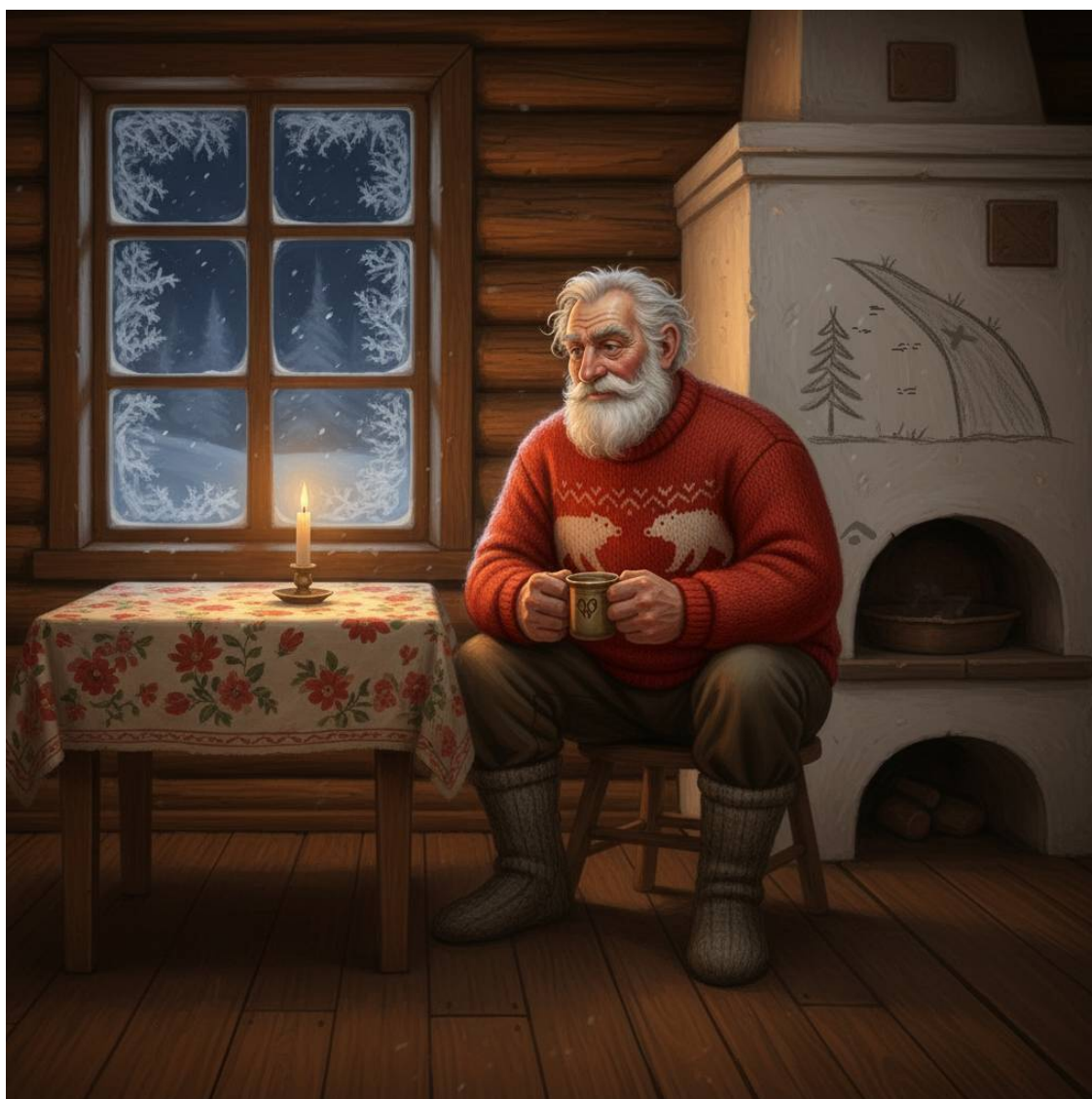
– Почему обязательно недоброе? – удивился Глим.

– Потому что в том месте ничего доброго никогда не водилось. Гиблое урочище, а особенно сердце его – Душный овраг – всегда имели дурную славу. И люди те места обходят, и звери там не водятся, – объяснил лесничий.

– Да сказки всё это! – воскликнул Павел Николаевич. – И мало ли что кому во сне придется! Гоблин – это, конечно, чудеса, но даже это объяснить можно. А поход зимой вглубь леса – это уже будет большая глупость. Так что не думай, Матвей, ни о чём, не бери в голову. Вот так. Ну, спасибо за чай! А я поехал – дела.

С этими словами Павел Николаевич поднялся, прошёл к двери, накинул пуховик, надел валенки и, прихватив с полки шапку, вышел.

А Матвей, после того как Глим позавтракал хлебом с маслом и мёдом, убрал со стола и сидел, раздумывая над смыслом рисунка и над словами Павла Николаевича. И снова – над схемой, нарисованной Глимом. Гоблин тем временем опять завалился спать, напоминая повадками кота. Даже к обеду не встал. А лесничему и спать не хотелось – день ведь на дворе, и никакое дело не делалось – думы не давали.

И вот наконец уже к вечеру Матвей понял: чтобы точно знать, не зарождается ли там какая беда, идти ему к оврагу придётся. Чувствовал он, что неспроста Глим этот рисунок нарисовал, – было на сердце у Матвея какое-то беспокойство. А вот как решил, что всё же пойдёт, тогда на душе даже как-то ровнее стало, спокойнее.

Глава 3. По следам прежнего лесничего

Утро выдалось снежное и тихое. В доме было тепло, в камине потрескивали сухие сучья, а Глим, устроившись у окна, смотрел, как в лесу падает снег.

Матвей же основательно занялся сборами. Он знал: если уж идти – то собираться не впопыхах, чтобы не забыть чего-то нужного.

Сначала лесник вымыл кружки после завтрака, обдумывая поход, потом сказал, обернувшись к Глиму:

– Думается мне, ходок ты по лесу никакой. Да и лыж для тебя нет. Санки нужны. А санки как раз есть, стоят на чердаке. Светлана на них каталась с горки, когда маленькая была. Они тебе аккурат по размеру подойдут. Да и быстрее получится, если я на лыжах, а ты в санях. Схожу-ка я за ними.

Матвей поднялся по скрипучей лестнице. Под крышей было сумрачно, холодно и тихо, только пыль слегка кружилась в луче света из маленького оконца. Санки нашлись сразу – алюминиевые полозья как новые и деревянные рейки, покрытые морилкой и лаком, ничуть не потемнели. Делал их лесничий для внуки на совесть.

На чердаке было много разного добра да охотничьего снаряжения. И вот когда Матвей приподнял санки, его взгляд упал на сундук. Не тот, большой, в котором лежала старая одежда, а соседний – поменьше, обитый жёстью по углам, с медной застёжкой. Это был сундук Фёдора Степановича, лесничего до него самого. Дети давным-давно уехали в город, и внуков его там вырастила, а те, почитай, уже и правнуков растят. В деревню никто из них ни разу не наведлся и прав на сундук не предъявил. Так и стоит он на чердаке никем не тронутый. И Матвей никогда в него не заглядывал – чего ему искать в чужих вещах? А сейчас его словно что-то подтолкнуло.

Лесничий поставил санки у стены, подошёл к сундуку, наклонился, провёл ладонью по крышке. На пальцах осталась пыль. Стряхнув эти серые пушистые лепёшечки, Матвей нажал на защёлку и приподнял крышку.

Внутри ничего ценного или памятного, кроме, пожалуй, старого альбома с потускневшими фотографиями. Ещё там нашлась пара вязаных перчаток, охотничий ремень, скрученный кольцом, и тетрадь в синей обложке, уже почти серой от времени, с выцветшими цифрами, написанными чернилами: 1973.

Лесничий осторожно вынул её, рассмотрел. Обложка – плотный картон, края обтрёпаны, листы пожелтели. Матвей присел на соседний сундук, раскрыл на одной из последних страниц и прочитал:

«12 августа 1973 г.

Был вновь в Гиблом урочище. Снова ни единого следа. Ни зайца, ни куницы. Даже мышь не шевельнулась под корнями.

Воздух тяжёлый. Дышать трудно, будто грудь сдавливают. Листья на деревьях полинявшие, серые. Хотя сейчас лето. Может, испарения какие.

Спустился в Душный овраг. Вода в ручье чёрная. Пузырится, а звуков нет. Очень тихо там и пусто. И не по себе от этой пустоты.

Присел на камень, но не смог там долго оставаться. Лучше отдыхать в другом месте.

Когда уходил, то слышал тишину. Такую тишину, что в ушах зазвенело. И в этой тишине будто чьё-то дыхание. Как у пса сторожевого, который затаился и ждёт, чтобы накинуться.

Может, зарыто что в том овраге, что-то спрятано? Только это что-то... Не знаю. Проверять не хочу. Если спрятано, то пусть там и лежит. Пока не пришёл тот, кто вспомнит, зачем оно нужно.

В магию да колдовство я не верю. Раньше-то люди верили. А всё меньше таких. Значит, и магии всё меньше, если она и была. Или уже вовсе кончилась. Но там что-то похожее. А может, почудилось просто.

Но в овраге том всё темнее. С каждым годом чуть тише и чуть темнее.

Надо бы рассказать. Да кому? Скажут – старею. А может, и правда старею...»

Матвей перевернул страницу. Следующая – почти пустая. Лишь короткая запись без даты, сделанная чуть дрожащим почерком:

«Меня снова потянуло к оврагу. Надо идти. Просто посмотреть, проверить. Послушать тишину. Чтобы вспомнить, что бывает, когда перестают слышать».

Лесничий медленно закрыл тетрадь и задумался. Неужели Фёдор в том урочище и сгинул? Слухи, помнится, ходили разные – Матвей их ещё застал, когда в деревню вернулся. Не понравилась ему городская жизнь. А тогда место лесничего было свободно уже несколько лет. Ну, он и согласился. За руль садиться не хотелось, тишину любил да лес. И жену себе присмотрел такую же. Так и жили здесь. И хорошо жили, по-доброму. Да только нет уже Машеньки рядом с ним семь годков. Но зато дочка и сын почти рядом – в городе. И внучка любимая часто навещает, в гости приезжает. Иной раз несколько дней с дедом в лесу проводит.

Надо же, куда мысли убрели. Матвей глянул на тетрадь, и вчерашнее беспокойство к нему вернулось. В груди – не страх, а тяжесть какая-то. Как от нерешённой проблемы.

Когда он спустился, Глим уже ждал у лестницы.

– Что там? – спросил он, глядя на тетрадь.

– Прежний лесничий писал. Больше полвека назад. И... он тоже в Гиблом бывал.

Глим потянулся к тетрадке.

– Ты что, и читать умеешь? – удивился Матвей, отдавая находку.

Тот глянул на лесничего, буркнул: «Гоблины не дикари. У нас тоже школы есть», – и уткнулся в написанное, усевшись в кресло-качалку. Пробежал глазами пару последних записей – и вдруг замер. Палец его застыл на последней строке.

– «Когда перестают слышать»... – прошептал он. – Да... это про нас. Про гоблинов. У нас есть присказка: «Тот, кто забыл звон колокольчика на ветру, перестаёт слышать, как снег ложится на ветки». А если никто не слышит, то магия из жизни постепенно исчезает. Ну, волшебство, по-вашему. И тогда жизнь как картинка – красивая, но пустая.

Матвей посмотрел на Глима внимательно и спросил:

– То есть магия – она не пропадает сразу? Просто слабеет?

– Как камин, когда перестаёшь подкладывать дрова, – подтвердил гoblin кивнув. – Сначала искры есть, потом только угли, потом – пепел. И никто не понимает, почему в доме стало холодно. Думают, что морозы крепчают. А на самом деле огонь погас.

Глим закрыл тетрадь и задумчиво произнёс:

– Значит, там, в овраге... что-то вроде последнего уголёчка.

– Или ключ, чтоб снова разжечь, – сказал Матвей.

– А если там что-то, что как раз и тушит магию? Что-то опасное? – предположил гoblin и посмотрел на лесника с тревогой.

– Вот и надо идти, чтобы выяснить, – решительно ответил тот.

Остаток дня они провели в сборах. Матвею пришлось снова подняться на чердак за оставленными там санками, а потом заниматься провизией и прочими припасами. В рюкзак отправился котелок, две кружки, спички в жестяной коробочке, зажигалка, сало, хлеб, чай в термосе, пакетик заварки, баночка мёда, две пары запасных носков, аптечка, фонарик, крепкая верёвка, пачка зефира – до него и гoblin оказался охоч, не только Матвей.

Потом подбирали одежду для Глима. Тёплые штаны, цигейковая шубка, маленькие валеночки, серая вязаная шапка с помпоном, красный шарф и варежки – всё нашлось среди детских

вещей Светланы на нижней полке вместительного шкафа. Только в шапке по бокам пришлось прорези сделать – длинные гоблинские уши под ней не умещались. Лесничего, обеспокоенного возможным обморожением, Глим заверил, что ничего его ушам не сделается. Главное – чтобы одежда была тёплой. Как выяснилось, гоблины даже зимой обычно шапок не носят.

К вечеру всё было готово. Санки стояли у двери, рюкзак – на табурете. Огонь в камине потихоньку угасал.

– Завтра рано вставать, – сказал Матвей. – Снег к утру уляжется – идти легче будет.

Глим кивнул, завернулся в плед и улёгся на диван. Лесничий ушёл в свою спальню и вскоре погасил свет. За окном метель утихла, и лес тоже словно уснул. А вот Глиму долго не спалось, о чём-то думал, ворочался да вздыхал.

Утро следующего дня выдалось ясное, с хрустящим под ногами снегом и морозной синевой в небе. Матвей встал до света, растопил печь, сварил овсянку на молоке с мёдом. Гоблин проснулся от запаха и, не разговаривая, уплёл свою порцию за пару минут.

Одевались молча. Матвей – в тулуп, шапку-ушанку, валенки. Глим – в приготовленную с вечера старую внучкину одежду.

Лесничий вынес санки, постелил на них плед, помог усесться гоблину и надел лыжи.

– Ну, поехали, – сказал он. – Держись покрепче.

– А если усну? – спросил невыспавшийся Глим, уже зевая.

– Так чего же, спи себе. Только не свались, – ответил Матвей, а потом, увидев испуганные глаза гоблина, добавил: – Да не переживай, свалишься – я почую, в санки тебя верну.

И они двинулись в путь. Лыжи мягко скользили сначала по укатанной тропе, потом – по целине, оставляя за собой ровные борозды. Лес вокруг был полон жизни: у кустов петляли следы зайца, снег под сосной усыпала шелуха разгрызенных шишек – это белка завтракала, пролетевшая над поляной ворона звонко каркнула вслед путникам.

Матвей шёл размеренно, дышал ровно – привычен был к лыжным походам. За плечами рюкзак, в руке верёвка, привязанная к санкам, что легко скользили следом. Иногда лесник оглядывался, проверяя, что поделявает попутчик. Глим, уткнувшись носом в плед, то дремал, то приподнимал голову, глядя по сторонам.

– Снег... – вдруг сказал он, не открывая глаз. – Он ведь не просто падает. Он выбирает, куда лечь.

Матвей усмехнулся.

– Это Светлана так говорила. Лет пять ей было. Вышла однажды в первый настоящий снегопад, встала посреди двора и затихла. Минуты три стояла, не шевелясь. Потом подошла ко мне и говорит: «Дедушка, а снег выбирать умеет. Он не на всех одинаково ложится. На ветки – тонко, чтоб не сломать. На землю – густо, чтоб всё укрыть и спрятать. А на меня – чуть-чуть, только чтоб пощекотать».

Она тогда ещё варежкой ловила снежинки и каждой шептала: «Спасибо, что выбрала меня».

– А сейчас? – спросил Глим.

– Сейчас у неё курсовая. По сценографии. Или по основам какого-то ивент-менеджмента. Сразу и не разберёшь, всё у них там «проекты». То декорации для спектакля придумывает,

то сценарий праздника пишет. А снег... – Матвей помолчал. – Снег в городе для неё теперь помеха на дороге к театру. Чтоб не опоздать на репетицию.

– Жаль, – тихо сказал гоблин. – Значит, магия у неё... тоже потише стала.

Матвей ничего не ответил. Просто кивнул и пошёл дальше.

Лес оставался обычным – светлым, звонким, зимним. Ни тревожных знаков, ни тяжести в груди. Глим молчал, глядя вперёд, но чувствовалось, что он в ожидании.

– Близко уже? – спросил гоблин через час.

– Нет. Пока – нет, – ответил Матвей честно.

Он знал этот маршрут и что до Гиблого урочища почти тридцати километров. Два дня ходу. А сейчас они ещё даже не дошли до первого перелеска – того, что за Медвежьим камнем.

Глим кивнул, устроился поудобнее и снова прикрыл глаза. А Матвей шёл, вдыхая морозный воздух и чувствуя, как постепенно подбирается усталость. Найденная тетрадь тревожила. «Надо идти. Просто посмотреть, проверить. Послушать тишину». Лесник усмехнулся. Вот и отправились старый да странный посмотреть да послушать.

Они даже не подозревали, какие испытания их ждут. Просто шли и шли, и день уже клонился к вечеру.

Глава 4. Загадочный ключ

Они шли и шли, и день уже клонился к вечеру, пора было подумать о ночлеге.

Лесничий понимал, что скоро совсем стемнеет, и потому чуть прибавил шаг.

– Скоро придём, – сказал он Глиму. – Неподалёку, у ельника, охотничий домик. Остановимся на ночлег. Дрова там обычно есть. По осени сюда двое охотников направлялись, по пути ко мне заглядывали. Так я просил оставить пару поленьев – на случай, если кто забредёт.

Глим, к этому времени окончательно проснувшийся, молча глазел по сторонам. Поездка на санках по морозному лесу его утомила, а скорая остановка, похоже, обрадовала, потому что голос прозвучал бодро:

– Ты много таких домиков по лесу понастроил?

– Не я строил. Охотники. Их несколько в лесу, таких домиков. Но я за всеми в меру сил слежу: крышу подлатать, дров запастись. Вдруг да кому-то понадобится.

По пологому склону лыжи скользили легко, почти без усилий. Вскоре показался домик – небольшой, сложенный из потемневших брёвен, над двускатной крышей торчала небольшая труба. Домик стоял у овражка, по дну которого летом журчал ручей – он брал начало у родника на склоне и плавно сбегал по камешкам. Но сейчас, зимой, спавшего подо льдом и снегом ручейка было не слышать.

Матвей остановился, снял лыжи и шагнул к крыльцу. Глим уже выбрался из санок и топал следом, держа под мышкой плед. Дверь открылась со скрипом – негромким, ворчливым: кряк. Внутри было так же холодно, как и снаружи, застоявшийся воздух пах старыми тряпками и сырым деревом.

Гоблин огляделся: одна комната с печкой-буржуйкой, нарами, застланными старой дерюгой, грубым столом и парой табуреток. Да ещё на стене полка с чайником, мисками и даже банкой с солью.

– Неуютно, – подвёл итог Глим, снимая шапку и тряся с неё снег.

– Уют – дело привычки, – отозвался лесничий, ставя рюкзак на стол. – Гречку сварим, чай вскипятим – и будет тебе уют.

Матвей быстро растопил печку, а Глим, усевшись на табуретке поближе к теплу, наблюдал, как его спутник хозяйничает.

Ужин был простой: гречневая каша с салом и хлеб. К чаю в самый раз пришлись прихваченные из дома зефирки. Ели молча, усталость сказывалась.

Когда со стола было убрано, Матвей вспомнил, что оставил за дверью санки и лыжи. Ночью могло навалиться снега, так что лучше занести внутрь. Лесничий накинул тулуп и вышел.

На улице стояла плотная зимняя тишина. Матвей нагнулся, взял лыжи, подхватил санки, собираясь войти в дом. Но, уже повернувшись к двери, он вдруг остановился – было слишком тихо. Тишина была не обычная ночная, а какая-то густая, ровная, словно вата в ушах.

Лесничий замер, держа лыжи подмышкой, и сквозь эту глухоту услышал три звука. Сначала скрип старой сосны, медленный, протяжный – словно дерево меняло позу. Затем – стук собственного сердца, шедший изнутри, громкий и отчётливый в этой напряжённой тишине. А потом – странный, почти неуловимый гул, будто что-то большое и грозное приближается, а откуда – не разобрать.

Этого хватило, чтобы Матвей насторожился, прислушался уже по-настоящему, без этой странной «ваты» в ушах. Он постоял так, не обращая внимания на холод, но гул не повторился. Потом занёс лыжи и санки в дом.

Внутри его тоже встретила тишина. Другая, уютная, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в печи. Глим уже спал на нижних нарах, укутавшись в плед. Матвей погасил свечу, улёгся на верхних. Уснул он почти мгновенно, и пришёл сон – беспокойный, обрывочный.

Ему снилось, что он сидит перед камином в своём доме, но вместо огня там пляшет наряженная ёлка. На стене над камином проступал и расплывался угольный рисунок Гиблого урочища. Вдруг сундук Фёдора Степановича, тот небольшой, с чердака, пролетел через комнату. Из него выпал Павел Николаевич в треуголке и с чёрной повязкой на глазу. На плече директора школы сидел попугай с изумрудными перьями и, вращая бусинами-глазами, истошно орал: «Матвею нужен ключ! Нужно делать ключ! Ключ! Ключ!»

Лесничий проснулся от собственного всхлипа. За окном было темно. Печка уже потухла. Снизу донёлся сонный голос:

– Ключ? Какой ещё ключ?

Глим сидел на нарах, настороженно шевеля ушами.

– Приснилось, – хрипло сказал Матвей, спускаясь.

– Значит, не просто так, – уверенно заявил гоблин, выслушав подробности из сна. – Раз кричали там про ключ – надо делать. А из чего... Это надо подумать.

Они осмотрели домик. Нашли ржавый гвоздь, обломок карандаша, пуговицу от ватника, клубок затвердевшей смолы. Ничто не казалось подходящим. Глим, копаясь в углу, вдруг начал нараспев бормотать:

«Не из железа, не из кости,
Ключ от двери в зябкой мощи.
Сплети его из зимних грёз,
Из серебристости волос...»

Матвей остановился. «Серебристость волос» была на воротнике его овчинного тулупа. Подошёл, потрогал, выдернул длинную шерстинку. Потом нашёл на полке оставленный кем-то моток крепких серых ниток. У стола при свете свечи начал сплетать. Нить – основа, волосок – уток. Пальцы, привыкшие чинить капканы и вязать узлы, двигались медленно, старательно. Получалась странная плоская плетёнка, похожая на миниатюрный лапоть или сплющенное гнездо.

В процессе в голове всплывали воспоминания: вот маленькая Светлана плетёт из травинок браслет; вот его Машенька вяжет игрушку для внучки... И ему казалось, будто он мастерит что-то очень важное.

– Готово, – сказал лесничий, положив плетёнку на стол.

– Не совсем, – покачал головой Глим. – Надо призвать его силу. Как он должен работать?

Матвей пожал плечами, потом накрыл артефакт широкими ладонями, сосредоточился. «Ключ... ключ...» Но ничего не произошло. А когда он убрал руки, плетёнка бесшумно рассыпалась на нитку и отдельно лежащую шерстинку.

Глим нахмурил свой морщинистый лоб.

– Волос не тот. Это шерсть зверя. Думаю, нужен твой. Живой. И его надо порвать.

– Мой? – Матвей провёл рукой по бороде. – Зачем его рвать? Я же тебе не Хоттабыч! Ты меня ещё заставь его заклинание сказать – «Трах-тибидох!»

Глим хихикнул, а потом серьёзно посмотрел на лесничего.

– А скажи. Лишним точно не будет.

Матвей вздохнул, выбрал из бороды один длинный седой волос. Потянул, дёрнул – больно. Разорвал его пополам. Снова взял нитку, сплёл новую основу, а обрывки своего волоса вплёл крест-накрест. Работа шла тише, вдумчивее. Когда он закончил, на столе лежал круглый плетёный амулет из серой нити, в центре которого серебрилась стрелка из светлого волоса.

Лесничий накрыл его ладонями, и в голове само собой сложилось: «Акоэ паредрон. Эйс акоэн». Он не произнёс это вслух, только подумал. Мягкое тепло побежало из центра ладоней, медальон под ними дрогнул. Матвей прижал его к столу плотнее, и мир обрушился звуками. Лесничий услышал всё: скрип снега под лапкой пробегающей лесной мыши, шелест инея, осыпающегося с еловой ветки за полкилометра отсюда, мерное дыхание спящего под снегом муравейника, журчание подземных родников. Настоящую симфонию живого леса. И на этом фоне, с той стороны, куда они с Глимом направлялись, на низкой, зловещей ноте нарастал гул. Глухой, давящий, будто тяжёлый камень катился по дну глубокого оврага. Гул Гиблого урочища.

Матвей убрал ладони, и звуки стихли. Амулет-ключ лежал безмолвно, только стрелка по-прежнему слегка поблёскивала.

– Получилось, – прошептал Глим.

– Получилось. – Лесничий кивнул, осторожно беря артефакт. Он был тёплым.

– Я тоже всё слышал, что и ты, – сказал гоблин, глядя в заиндевшее окно. – Мы не посмотреть идём. И не послушать тишину. Мы идём узнать, что же в ней воет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.